

Н. ИОРДАНСКИЙ

Творцы нового шума

«Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции

Революция, бесспорно, заключает в себе жестокое, лютое, хотя бы даже и справедливое. И довести до конца «казнь действительности» русские не могут уже оттого, что между самыми суровыми революционерами и радикалами вдруг показываются Шатовы или авторы «Вех». И все расплывается, расседается.

В. Розанов. Новое время. 27 апреля¹

I

Гг. Бердяев, Булгаков, Гершензон, Изгоев, Кистяковский, Струве, Франк, выпустившие сборник «Вехи», — пророки новой жизни, евангелисты нового религиозного сознания.

Они знают проникновенные слова Ницше: «Не вокруг творцов нового шума, вокруг творцов новых ценностей вращается мир»².

Они считают величайшей и важнейшей задачей момента пересмотр старых ценностей и творческое овладение новыми. Они твердо уверены, что уже владеют этими новыми ценностями и в священном пафосе спешат озарить ими мерзость запустения русской жизни.

С болью за прошлое и жгучей тревогой за будущее родной страны они видят, что «тот путь, которым до сих пор шло общество, привел его в безвыходный тупик», что ему необходимо указать новую дорогу.

Они чувствуют себя обязанными сделать это.

«Сколько бы низко ни думал я о себе самом, — пишет г. Булгаков, — я чувствую обязанность (хотя бы в качестве общественного «послушания») сказать все, что я вижу, что лежит у меня на сердце, как итог всего пережитого, пережитого, пережитого, пережитого... это повелевает мне чувство ответственности и мучительная тревога и за интеллигенцию, и за Россию».

Остальные участники сборника также, по свидетельству г. Гершензона, «не могли молчать о том, что стало для них осязательной истиной». Они почувствовали себя призванными установить «единственно прочный базис для всякого общественно-строительства» и соединились в московском сборнике для «общего дела», для начертания нового идейного евангелия русской интеллигенции.

«Семь громов проговорили голосами своими».

«И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было написать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего» (Откров., гл. 19, ст. 3, 4).

Однако, как публицист, я не имею права молчать о том, что проговорили «семь громов», хотя было бы лучше, если бы я мог «не писать сего».

Бессодержательным оказался их пророческий пафос. Единая истина не только не осязается ими, но еще дальше от них, чем от простых смертных. Собственными руками они сорвали с себя мистические покровы единой высшей мудрости и обнаружили, что у каждого из них имеются разные истины на разные случаи жизни.

Уже в предисловии к сборнику г. Гершензон вынужден был заявить, что участники «Вех» «далеко расходятся между собой как в основных вопросах “веры”, так и в своих практических пожеланиях».

Затем г. Изгоев, со свойственной ему ловкостью рук, прилепил к своей статье самое маленькое примечание. Он «считает своим долгом сделать оговорку относительно платформы, сформулированной в предисловии к книге», он всецело принимает изложенный там *основной тезис*, но расходится с остальными авторами в его *принципиальной мотивировке*. Тот же г. Изгоев немедленно после выхода сборника еще более определенно отрекся от некоторых своих соратников. Н. А. Бердяев и М. О. Гершензон, заявил этот Меньшиков либеральной журналистики, оба могут быть не правы или один из них прав, другой не прав... «Брать на себя защиту взглядов гг. Бердяева и Гершензона я не призван».

Наконец, и несомненный вдохновитель сборника, «искренний» г. Струве, выступил с неожиданным сообщением. «Следует отметить, — поведал он, — что сборник “Вехи” никем не редактировался, и я и некоторые другие его участники со статьями других авторов ознакомились только после выхода в свет книжки». Г. Струве просит не преувеличивать единства сборника. «В «Вехах» все-таки сохранился и явственно виден старый водораздел русской мысли, тот, который отделял западничество от славянофильства». «Гершензон, пускающий в ход славянофильские идеи, а также, может быть, Булгаков, в известном идейном отношении, ближе к Мережковскому и Философову, чем к Франку, Кистяковскому, к Изгоеву и ко мне» (Струве). В частности, об одной мысли г. Гершензона г. Струве выражается следующим образом: «...эта фраза, может быть, беспощадна, хотя я охотнее после предлога “бес” выговорил бы другое слово». Дальнейшие размышления г. Струве и подлинное содержание фразы Гершензона заставляют читателей догадываться, что г. Струве охотнее назвал бы слова своего сотрудника по общему делу не иначе как бессовестными или, по меньшей мере, бессмысленными.

Таким образом, вехи, поставленные участниками сборника, указывают дорогу не к единой новой истине, а к двум старым истинам, лежащим в различных плоскостях: к истине славянофильства и к истине западничества. Кроме того, есть вехи — и их больше, чем обнаруживает г. Струве, — которые указывают прямую дорогу к бессмыслице. Книга, задуманная как новое евангелие, оказалась простым альманахом, сборником нескладных памфлетов.

II

Московские «Вехи» и никого не спасут, и никому не укажут даже дороги к спасению. Православие и атеизм, славянофильство и западничество, мистика и буржуазная расчетливость спутываются в них безнадежным клубком, который, как клубок ведьмы в русских сказках, способен завести только в лихое место. Но при всех своих противоречиях, при всем бессилии положительной мысли в этом сборнике есть единое политическое настроение, которое делает его в общественном смысле значительной отрицательной величиной.

Авторы не свели концов с концами; часто они противоречат сами себе. Быть может, они бессознательно собрались под бе-

лой обложкой московского сборника, повинуюсь непреодолимой тяге. Бессознательно, но не случайно.

Их связал в уродливый узел дух злобы против русской интеллигенции. Они обманывают и себя, и других, когда говорят, что соединились для совместного творчества новых ценностей. Они соединились только для совместного разрушения старых ценностей русской интеллигенции. Это — боевой политический союз, в котором не разбирают средств.

Некоторые критики «Вех», очевидно, смущенные злобным грохотом «седми громов», затруднились определить, против кого, собственно, направлена яростная атака, и потребовали, чтобы строгие судьи точно выяснили, кто участвовал в преступном сообществе, именуемом русской интеллигенцией. Мне кажется, что в этом требовании не было необходимости. Цель, куда направлены стрелы авторов сборника, намечена с полной отчетливостью.

«Говорю, — пишет Бердяев, — об интеллигенции в традиционно-русском смысле этого слова, о нашей кружковой интеллигенции... Этот своеобразный мир, живший до сих пор замкнутой жизнью... не без основания называют интеллигенцией в отличие от интеллигенции в широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова».

Г. Булгаков говорит о том «героическом интеллигенте», который не довольствуется ролью скромного работника, который мечтает «быть спасителем человечества или, по крайней мере, русского народа».

Г. Кистяковский, рассказав целый ряд анекдотов, характеризующих пороки русской социал-демократической интеллигенции, заявляет, что он «мог бы привести аналогичные примеры из жизни другой нашей социалистической партии — социалистов-революционеров — или наших либеральных организаций — например, “Союза освобождения”».

Г. Изгоев гремит против народных социалистов и не щадит даже кадетов, которые, подобно прочим интеллигентам, «тоже стремились временно отделаться от анализирующего разума, чтобы полетать на крыльях фантазии».

Вот против кого гремят «седьмь громов».

Прежде всего они направлены на социалистическую интеллигенцию — социал-демократов и социал-революционеров. Затем они стремятся поразить и радикальную мелкую буржуазию: народных социалистов, членов бывшего «Союза освобождения» и даже кадетов, временно бывших левыми.

Размах не только широкий, но и многозначительный. Сотрудники «Вех», вчерашние идеологи и видные деятели демократических организаций, бросают, наконец, открытый вызов не только социализму, что несколько не удивительно для буржуазных писателей, но и всей русской разночинной демократии без различия классов — что вовсе для них не обязательно.

Г. Струве, может быть, слишком легкомысленно отрекается от пресловутой фразы г. Гершензона: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Критик «Русской мысли», разумеется, напрасно боится народной ярости пуще всех казней власти. Дни свободы показали, что народ не так уж страшен для либерализма. Но благословение, которое г. Гершензон призывает на штыки, тюрьмы и казни, является неизбежным логическим последствием антидемократического настроения.

Таким образом, слова «русская интеллигенция» на страницах московского сборника являются синонимом русской демократии.

Злобное отношение к ее идеологии и яростная борьба с ее политической работой — вот те две вехи, которые действительно поставлены объединенными усилиями авторов сборника на дороге русской общественности.

Староваты эти вехи...

III

Содержание тех обвинений, которые предъявлены сотрудниками «Вех» русской демократии, вполне определяется боевыми задачами сборника и по существу не представляет ничего нового. С этой точки зрения я не считаю даже нужным отмечать многочисленные, то смешные, то нелепые противоречия отдельных статей. Разумеется, чрезвычайно забавно, проникнувшись утверждениями г. Булгакова о бескрылости, ограниченности, прикрепленности к земле, духовной ползучести буржуазного уклада западноевропейской жизни, получить на следующей странице от г. Струве предложение обуржуазиться. Не лишено интереса и то противоречие, которое получилось между взглядами модернизованных славянофилов и модернизованных западников, сошедшихся в сборнике.

Гг. Булгаков и Гершензон утверждают, что народная душа качественно другая, чем душа интеллигенции; что эта душа, полная идей и верований религиозно-метафизических, отвергла пропитанное определенным рационалистическим духом знание интеллигенции. А г. Струве уверяет, что народные массы руководились своими инстинктами, аппетитами и ненавистями и не вложили в русскую революцию никаких религиозных идей. По мнению г. Струве, наш народ явился чрезвычайно благодарной почвой для интеллигентского безрелигиозного радикализма, и «прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой».

Сборник полон таких и еще более ярких противоречий. Они неизбежны в работе людей разного мировоззрения. Разбирать их по существу значило бы возвратиться к разбору эпигонов славянофильства и погрузиться в глубину пресловутой «России и Европы» Н. Данилевского. Кроме того, раз сами авторы признали незначительность их противоречий для общей цели, то я спокойно могу остановиться только на самом главном моменте сборника — на том духе злобы против демократии, который объединяет разнородные статьи. С этой точки зрения «Вехи» хорошо выполнили свою задачу. Они не дали ничего нового в критике демократии, но тщательно подобрали все старые упреки и нападки, все клеветы и несправедливости.

Народническое мракобесие, сектантское изуверство, бездонное легкомыслие, духовное родство с грабителями, корыстными убийцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата, мерзость запустения, праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, грязь и хаос в брачных и вообще половых отношениях, наивная недобросовестность в работе, в общественных делах — необузданная склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности, перед властью — то гордый вызов, то покладливость, легион бесов... Такими чертами характеризуют «Вехи» русскую демократию. Г. Изгоев, всегда усердный не по разуму, утверждает даже, что 75% русской революционной молодежи онанисты и что половая жизнь русской интеллигенции начинается с семилетнего возраста.

Очевидно, только жители Содомы и Гоморры могут соревноваться в пороках с русской демократией, и лишь большою терпеливостью небес в наш век универсального прогресса и гуманных идей можно объяснить, что Россия до сих пор еще не погибла в потоке серного дождя. Ведь все те пороки и недостат-

ки русской демократии, которые с такой суровостью обличаются высоконравственными авторами «Вех», относятся скорее к ведению духовников, чем публицистов. Конечно, все люди грешны против десяти заповедей, но они грешны одинаково во всех странах мира, а не только в России, и во всех классах общества, а не только среди демократии.

Человеческие грехи — это дело церковной проповеди. Для публицистов существуют только политические грехи. И, конечно, авторы «Вех» не затруднились найти их у русской интеллигенции.

IV

Если моральные обвинения русской интеллигенции сводятся к расплывчатым формулам семи смертных грехов, то политические обвинения отличаются полной отчетливостью и проникнуты совершенно определенным духом. Главная вина русской интеллигенции заключается, по мнению авторов «Вех», именно в ее демократичности. Как ни своеобразно формулирована эта мысль в различных статьях сборника, содержание ее остается неизменным в хаосе самых вопиющих противоречий.

«С русской интеллигенцией, — по словам г. Бердяева, — случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу, парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине». Благо народа ставится интеллигенцией «выше все-ленской истины и добра».

«Русский интеллигент, — по определению г. Гершензона, — это, прежде всего, человек, с юных лет живущий вне себя, в буквальном смысле слова, т. е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности — народ, общество, государство». «До сих пор общепризнан был один путь хорошей жизни — жить для народа, для общества; действительно шли по этой дороге единицы, а все остальные не шли по ней, но не шли и по другим путям, потому что все другие пути считались недостойными; у большинства этот постулат общественного служения был в лучшем случае самообманом, в худшем — умственным блудом и во всех случаях — самооправданием полного нравственного застоя».

По уверению г. Кистяковского, эти черты русской демократии лишили Россию даже хороших адвокатов. «У нас были и

есть видные уголовные и политические защитники, правда, среди них встречались горячие проповедники гуманного отношения к преступнику, но большинство их лишь борцы за известный политический идеал, если угодно, «за новое право» в точном смысле слова».

«Символ веры русского интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд большинства. Деятельность, руководимая любовью к науке или искусству, жизнь, озаряемая религиозным светом в собственном смысле, т. е. общением с Богом, — все это... отвергается частью как глупость или суеверие, частью как безнравственное направление воли», — утверждает г. Франк. Дух русской интеллигенции выступает в истории «в двух резко различных формах — в форме непосредственного альтруистического служения нуждам народа и в форме религии абсолютного осуществления народного счастья».

Авторы приведенных слов различным образом оценивают последствия демократических склонностей русской интеллигенции. По г. Бердяеву, стремление к благу народа затмевает вселенскую истину и добро; по г. Гершензону, оно влечет самооправдание полного нравственного застоя; по г. Кистяковскому, понижает уровень правосознания; по г. Франку, оно сопровождается отрицанием всех культурных ценностей. Но все они согласны в одном, что отрицательные черты русской интеллигенции находятся в прямой зависимости от ее народолюбия, от ее развитых социальных инстинктов.

Каким мышлением публицисты «Вех» могли превратить в первородный грех такое психологическое свойство, которое очевидно служит только залогом правильного развития всякой общественной культуры?

На это может быть только один ответ. Исследуя форму интеллигентских симпатий, критики русской интеллигенции произнесли приговор и над их содержанием. Дело не в том, что интеллигенция народолюбива, что она сосредоточила свои силы на борьбе за лучшие общественные условия народной жизни; дело в том, что народолюбие интеллигенции влечет за собой определенные практические шаги, которые нарушают мудрые чертежи г. Булгакова и его товарищей; что оно создает определенные общественные идеалы, которые ненавистны всем, кто, подобно г. Гершензону, прячется от демократии за правительственными штыками. Недаром г. Булгаков предсказывает, будто «интеллигенция в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию».

Это содержание, одинаково ненавистное и славянофилам, и западникам московского сборника, заключается в социальном и политическом радикализме русской демократии.

V

Исследование политических грехов русской интеллигенции составляет специальность г. Струве.

И надо отдать ему справедливость, он делает это со значительным искусством и большим темпераментом. Среди елейнотягучих, ханжески-благочестивых и вялых статей сборника заметка г. Струве производит весьма оживляющее впечатление.

Для того чтобы выяснить политическую роль интеллигенции, г. Струве с чрезвычайной быстротой изобразил русскую историю XVI, XVII и XVIII веков как «расхождение и борьбу государственных, земских элементов с противогосударственными казачьими», как освобождение нации и восстановление государства в борьбе с противогосударственным «воровством» анархических элементов.

«Носителем этого противогосударственного воровства было как в XVII, так и в XVIII веке казачество». Оно бунтовало народные низы в Смутное время, оно выдвинуло Стеньку Разина, Емельяна Пугачева. «Пугачевщина была последней попыткой казачества поднять и повести против государства народные низы. С неудачей этой попытки казачество сходит со сцены как элемент, вносящий в народные массы анархическое и противогосударственное брожение. Оно само подвергается огосударствлению, и народные массы в своей борьбе остаются одиноки, пока место казачества не занимает другая сила. После того как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, в русской жизни зреет новый элемент, который — как ни мало похож он на казачество в социальном и бытовом отношении — в политическом смысле приходит ему на смену, является его историческим преемником. Этот элемент — интеллигенция, которая и является носителем противогосударственного воровства в XIX и XX веках.

Такова новая схема политического развития России. Разумеется, она не имеет никакой научной ценности. Г. Струве сам утверждает, что социальный смысл и социальное содержание всех движений XVI—XVII веков, и в особенности пугачевщины, громадны и могут быть выражены в двух словах — освобождение крестьян. Если попытки освобождения крестьян с точки

зрения помещиков и могут быть названы противогосударственным воровством, то анархическим брожением они не могут быть названы ни с какой точки зрения. Нет никакого сомнения, что г. Струве построил эту схему только для слов: казачество и противогосударственное воровство, которые он бросил по адресу русской интеллигенции.

Для памфлета бойкие определения г. Струве не лишены остроумия. Но г. Струве за это остроумие ответствен. Г. Розанов уже десять лет тому назад назвал русскую интеллигенцию «духовным казачеством» — в своей книге «Религия и культура». А «противогосударственное воровство» как обозначение революционной деятельности изобретено г. Гучковым специально для юбилейного адреса А. Суворину.

Очевидно, успешная аранжировка «Великой России», заимствованная у г. Столыпина, поощрила г. Струве к новым трудам. Но идеи гг. Розанова, Гучкова и Столыпина давно взвешены и не требуют переоценки.

Кроме бунтовского отношения к государству в его идее и в его реальном воплощении для интеллигентского отщепенства характерна, по мнению г. Струве, его безрелигиозность. «Отрицая государство, борясь с ним, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного и эмпирического».

Эта идея о мистичности государства, не раз высказываемая г. Струве с тех пор, как он занялся проблемой власти, может показаться более оригинальной, но только потому, что она хорошо забыта. В 1896 году, в другом московском сборнике, некий автор утверждал: «Государственной интеллигенции предстоит во всяком случае трудная задача — привлечь на свою сторону и соединить с собою твердо народное верование. Но для того чтобы привлечь верование и слиться с ним, нужно показать в себе живую веру; одной интеллигенции для этого недостаточно».

Этот автор был К. П. Победоносцев*. Неожиданная близость Струве к Победоносцеву вовсе не случайна. Вся проповедь мистичности государственной власти, излюбленная в последнее время г. Струве, вся его борьба против действительных и мнимых отрицателей государства в общем и целом чрезвычайно напоминает идеи духовного вождя прусской реакции пятидесятых годов Фридриха-Юлия Штала³. По-видимому, для г. Струве, как и для Штала, мир распался на два враждебных стана —

* Московский сборник, издание К. П. Победоносцева. 1896. С. 4.

сторонников легитимности и сторонников революции, причем понятие революции от восстания расширяется до всякого нарушения извечных, мистически predetermined отношений между властью и народом. Через Штала г. Струве легко может сблизиться не с одним Победоносцевым. Но реставрировать реакционные идеи пятидесятих годов вовсе не значит ставить вехи на трудной дороге русской демократии.

Реставрация славянофильства, искажение западничества, воскрешение идей прусских реакционеров, повторение прописной морали церковных проповедей, пережевывание бульварной европейской полемики против социализма — вот все средства, которыми располагали участники сборника для крикливого выступления. Г. Франк напрасно потревожил Ницше, вспоминая яркие слова: «Не вокруг творцов нового шума, вокруг творцов новых ценностей вращается мир; он вращается неслышно».

Авторы «Вех» создали много шума, но и только. Никаких новых ценностей они не создали. И когда некоторые из них вышли из лабиринта отвлеченных рассуждений и мистических символов к вопросам практической жизни, то они могли снова и снова повторить лишь давно надоевшие фразы: «Актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться». «На пороге новой русской истории, знаменующейся открытым выступлением, наряду с правительством, общественных сил... нельзя не отдать себе отчета и в том, какой вред приносит России исторически сложившийся характер ее интеллигенции».

Искали грядущего Града Божия, успокоились на Государственной Думе 3 июня, на министерстве Столыпина, на газете Федорова...⁴

VI

Лозунги личного совершенствования и общественной пассивности не дошли по адресу. Одна правая печать встретила «Вехи» сочувственными откликами. Г. Столыпин нашел, что национал-либеральные Фаусты говорят то же самое, что октябристские пасторы, только другими словами.

«Во всяком случае, — пишет он, — появление такой самокритики, как «Вехи», является одним из первых духовных плодов тех начатков свободы, которые понемногу прививаются к русской жизни. Организм, хотя бы государственный, должен

сам и без понуждения вырабатывать внутри себя противо-
ядия».

Еще более горячо приветствовал «Веги» г. Розанов.

«Эти русские интеллигенты, все бывшие радикалы, почти эсдеки и когда-то деятели и ораторы шумных митингов, вожди кадетов, позитивисты и марксисты не только в статьях журнальных, но и в действии, в фактической борьбе с правительством, этим удивительным словом в сущности о себе и своем прошлом, о своих вчерашних страстнейших убеждениях, о всей своей собственной личности вдруг подняли интеллигенцию из той ямы и того рубища, в которых она задышалась, в высокую лазурь неба.

Была «интеллигенция»... Но после исповеданий братьев наших в «Вехах» мы можем говорить, что у нас действительно есть... образованный, прямой русский класс...

Вовсе Булгаков и другие не зарезали русскую интеллигенцию. Они сами зарезались. И воскресли. Погреблись и ожили».

Несмотря на высокий авторитет г. Розанова в области чудесного, позволительно усомниться в воскресении авторов московского сборника. Суровое осуждение, с которым встречены «Веги» даже людьми, связанными с авторами партийными узами, говорит только о том, что «Булгаков и другие» действительно, никого не зарезав, сами зарезались и погреблись. Контрреволюционный либерализм дал в «Вехах» почти все, что мог дать. И то убожество, которое он обнаружил в теории, находится в неразрывной связи с его практическим бесплодием. «Веги» появились в тот момент, когда не только личная, но парламентская работа попала в роковой круг, когда кадеты снова обнаруживают готовность «полетать на крыльях фантазии», когда даже умеренно-правые с Балашовым⁵ во главе организуют «хождение в народ», чтобы выбраться из политического тупика. И заговорить теперь, по примеру Струве и других, о самосовершенствовании и политической пассивности значит окончательно порвать с демократией и побрататься с Розановым и Столыпиным.

*(В защиту интеллигенции. Сб. статей. М., 1909.
С. 31—47; впервые опубл.: Современный мир. 1909.
Май)*

